

Предисловие

Это исследование когда-то было написано в качестве главы для подготовленного мной в соавторстве с Маршаллом Салинзом сборника эссе о божественном институте монархии [1]. В период с 1989-го по 1991 год, когда я проводил пилотные полевые исследования на Мадагаскаре, я впервые открыл для себя не только то, что некогда там во множестве обосновались карибские пираты, но более того: что потомки их составляют сегодня обладающую самосознанием группу (этот факт обнаружился во время моего короткого романа с женщиной, по происхождению связанной с островом Сент-Мари [2]). Впоследствии меня поразило то, что провести среди них систематические полевые исследования никто и никогда не удосужился. Я даже обещал себе когда-нибудь восполнить этот пробел; но осуществиться этим планам неизбежно препятствовали всевозможные непредвиденные обстоятельства. Быть может, когда-нибудь я всё же сделаю это. Примерно в то же время я разжился в Британской библиотеке копией рукописи Мейёра на необычайно больших листах, покрытых мелким бисером почерка восемнадцатого века, прочесть который уже стоило известного труда; копия эта долго-долго выглядывала потом из утеса книг и рукописей, растущего возле панорамного окна в моей комнате в нью-йоркской квартире, где прошли мое детство и юность. На протяжении многих лет, пытаюсь заниматься чем-то иным, я не раз испытывал ощущение, будто рукопись манит меня чуть укоризненно из дальнего угла комнаты. Позже, после того, как в 2014 году я потерял дом из-за махинаций полицейской разведки, я сканировал рукопись от начала до конца, вместе с семейными фотографиями и другими документами, слишком громоздкими, чтобы брать их с собой в Лондон, и в конце концов сподобился ее расшифровать.

Мне всегда казалось чудом, что текст рукописи так никогда и не был опубликован: в особенности потому, что на оригинале из Британской библиотеки, который был изготовлен на Маврикии, содержалась пометка о том, что в Малагасийской академии в Антананариву доступен машинописный вариант рукописи и что тем, кто пожелает на него взглянуть, следует обращаться к некоему г-ну Валетту. С тех пор в печати появился ряд исследований французских авторов, которые очевидно воспользовались этим любезным указанием, и отдельные фрагменты машинописного текста в их пересказах, но только не сам протограф, не сам ученый труд, изобилующий бесчисленными ценнейшими примечаниями.

Наконец, я осознал, что материала о пиратах собралось достаточно для интересного самостоятельного исследования. Поскольку эссе предполагалось опубликовать в книге о королях, изначально озаглавлено оно было – «Пиратское Просвещение. Мнимые короли Мадагаскара». Подзаголовок отсылал к небольшой книжке Даниеля Дефо о Генри Эвери. В процессе работы текст, однако, быстро распухал. Очень скоро рукопись разрослась до целых семидесяти страниц, набранных через один интервал, так что я всерьез задавался вопросами: не будет ли в итоге объем сборника чрезмерно велик, и не слишком ли я удалился от предмета исследования, изначально ограниченного темой королей-мошенников (и более общим предположением: мол, в известном смысле все короли – самозванцы, просто

в разной степени), чтобы был оправдан столь широкий охват материала.

Под конец я остановился на том, что никто не любит пространных эссе; напротив, короткая книжка всякому по нраву. Отчего бы не сделать из эссе самостоятельное исследование, которое могло бы само за себя постоять?

И вот – то, что у меня получилось.

* * *

Упустить шанс опубликовать книгу в издательстве «Либерталия» [3], как оказалось, было просто невозможно. Образ Либерталии, утопического пиратского эксперимента, остается неисчерпаемым источником вдохновения для тех, кто придерживается левых либертарианских взглядов; им всегда казалось что, если ее и не существовало на самом деле, она должна была существовать; или если она не существовала в буквальном смысле – если даже не было местности, которая бы так называлась, то само существование пиратов и пиратских обществ было уже своего рода экспериментом, и что даже в самом зародыше того, что со временем стало называться Просвещением – идеала, который в среде революционеров рассматривается теперь как ложная мечта об освобождении, породившая в мире невообразимую жестокость, – отчасти присутствовало искупительное обещание подлинной альтернативы.

В интеллектуальном плане эту небольшую книжку можно считать вкладом в некий большой проект, суть которого я впервые изложил в эссе, озаглавленном «Запада никогда не существовало» (оно также появилось в свет в форме маленькой самостоятельной книжки на французском языке), и которым я продолжаю заниматься теперь в рамках совместного проекта [4] с британским археологом Дэвидом Уэнгроу. Прибегая к модным в наше время словечкам, его можно было бы назвать проектом по «деколонизации Просвещения». Не подлежит сомнению, что многие из тех идей, которые мы рассматриваем сегодня как результат деятельности европейских просветителей, использовались между тем для оправдания беспримерной жестокости, эксплуатации и истребления трудящихся не только у себя на родине, но и на других континентах. Впрочем, огульное осуждение просветительской мысли тоже довольно странно, учитывая, что это, возможно, первое в истории интеллектуальное движение, вдохновленное по большей части женщинами, в стороне от официальных институций – например, университетов, и с ясно выраженной целью подрыва всех существующих органов власти. К тому же, как нередко показывает исследование первоисточников, мыслители Просвещения часто вполне откровенно признавали: истоки их идей находились далеко за пределами того, что мы называем сегодня «западной традицией». Приведу один только пример, который будет рассмотрен подробнее в другой книге. В 1690-е годы, примерно в то самое время, когда пираты утверждались на Мадагаскаре, губернатор Канады граф де Фронтенак содержал в своем доме в Монреале что-то вроде протопросветительского салона, в котором вместе со своим помощником Лаонтаном обсуждал вопросы социального характера – христианство, экономику, сексуальные нравы и проч. – с вождем гуронов Кондиаронком, по своим позициям эгалитаристом и скептическим рационалистом, придерживавшимся мнения, что

карательный аппарат европейского права и религии сделался необходим лишь благодаря экономической системе, организованной так, что она неизбежно должна порождать именно то поведение, которое этот аппарат призван подавлять. Впоследствии, в 1704 году, Лаонтану довелось опубликовать книгу со своей собственной редакцией некоторых его замечаний в ходе этих дебатов, и книга эта мгновенно сделалась бестселлером во всей Европе. Едва не все значительные деятели Просвещения в конце концов старались написать нечто подобное. Однако личности вроде Кондиаронка каким-то образом вычеркивались из истории. Никто не отрицает того, что сами эти споры имели место; но обычно предполагается, что когда пришло время их описать, люди вроде Лаонтана попросту игнорировали всё, что на самом деле говорил Кондиаронк, и выдали вместо того некую «фантазию благородного дикаря», полностью заимствованную из европейской интеллектуальной традиции. Иными словами, мы спроецировали в прошлое идею о том, что была некая самодостаточная «западная цивилизация» (концепт, которого на деле до начала XX века даже не существовало) и с поистине извращенной иронией использовали упреки в расовом высокомерии со стороны тех, кого мы обозначаем как «западных людей» (что по существу служит сегодня эвфемизмом вместо «белых»), как повод для того, чтобы исключить всех, кроме «белых», из числа лиц, имевших какое-либо влияние в истории, и в интеллектуальной истории в особенности. Как будто история, особенно – радикальная история, сделалась своего рода моральной игрой, где всё, что требуется на деле, – это показать, что автор вовсе не стремится оправдать великих людей истории за проявленный ими (безусловно, весьма реальный) расизм, сексизм и шовинизм; при этом не замечают почему-то, что книга объемом в четыреста страниц, в которой Руссо подвергается нападкам, остается при этом книгой о Руссо объемом в четыреста страниц.

Помню, какое сильное впечатление произвело на меня в детстве интервью с суфийским писателем Идрисом Шахом, отметившим, насколько странно ему видеть, что такое множество умных и достойных людей в Европе и Америке впустую тратят так много времени на демонстрации протеста, скандируя имена людей, которых ненавидят, и размахивая их портретами: «Эй, эй, Эл-Би-Джей, сколько сегодня убил ты детей?» [5] Неужели они не понимают, как сильно тешит это политиков, которых они порицают? Именно подобные замечания, как мне кажется, постепенно убедили меня отказаться от тактики протеста и принять тактику непосредственного действия.

Отчасти этим объясняется мое негодование, которое временами ощущается в этом эссе. Отчего мы не считаем людей вроде Кондиаронка значительными теоретиками свободы человека? Они, очевидно, этого заслуживают. Отчего в такой личности, как Том Цимилаху, мы не признаём одного из пионеров демократии? Отчего заслуги женщин, которые, как известно, играли важную роль в обществе гуронов и бецимисарака, хоть имена их по большей части и утрачены, мы опускаем, даже когда всё же рассказываем об этих людях – подобно тому, как имена державших салоны женщин, как правило, не вошли в историю самого Просвещения?

Помимо всего прочего, мне хотелось бы, чтобы это историческое исследование убедило бы вас в том, что нынешняя история не просто глубоко ущербна и европоцентрична, но также неоправданно скучна и утомительна. Да, морализм обещает тайное наслаждение, подобно тому, как своего рода математический восторг усматривается в стремлении свести все

действия человека к самовозвеличению. Однако в конечном счете и то, и другое удовольствие – дешевка. Рассказ о том, что в действительности произошло в истории человечества, в тысячу раз занимательнее.

И потому вот вам история о магии, об обманах, морских сражениях, украденных княжнах, восстаниях рабов, облавах, вымышленных королевствах и послах-самозванцах, шпионах, похитителях драгоценностей, отравителях, сатанистах и сексуальной одержимости – обо всём том, что лежит в основе современной свободы. Надеюсь, что всё это читателю будет так же по душе, как и мне.

* * *

«Греки древнейшего периода все были пиратами.»

Монтескье. О духе законов [6]

Это книга о королевствах пиратов, реальных и придуманных. А также о том времени и о том месте, когда и где установить разницу между тем и другим было очень сложно. На протяжении почти сотни лет, с конца семнадцатого столетия до окончания последующего, восточное побережье Мадагаскара оставалось сценой театра теней легендарных пиратских королей, пиратских злодеяний и пиратских утопий, слухи о которых шокировали, вдохновляли и развлекали завсегдатаев трактиров и кофеен по всей Северной Атлантике. С нашей нынешней точки зрения нет решительно никакой возможности разобраться во всех этих слухах и установить однозначно, что было ложью, а что – нет.

Разумеется, не всё было чистой правдой. В первом десятилетии восемнадцатого века, к примеру, в Европе многие считали, что на Мадагаскаре неким капитаном Генри Эвери с десятью тысячами приспешников-пиратов основано великое королевство – государство, которое вот-вот должно было заявить о себе как об одной из ведущих морских держав в мире. На деле же ничего подобного, конечно, не существовало. Это был просто вымысел. Большинство историков убеждены сегодня, что то же можно сказать и о великом утопическом эксперименте, Либерталии – истории, действие которой происходит также на Мадагаскаре и которая в качестве отдельной главы вошла во «Всеобщую историю пиратства» некоего капитана Джонсона, опубликованную в 1724 году. Джонсон описывает Либерталию как эгалитарную республику – в которой рабство было упразднено, все вещи были общими, и управление происходило демократическим путем – как республику, установленную Миссоном, отошедшим от дел французским пиратским капитаном, под влиянием философских идей итальянского падре-расстриги. Однако историки не обнаружили свидетельств, подтверждающих то, что и пиратский капитан Миссон, и священник-расстрига (которого якобы звали Караччиоли) действительно существовали – хотя существование почти всех иных упомянутых в книге пиратов подтверждается архивными источниками. Схожим образом и археологам не удалось установить никаких следов реального существования Либерталии. В итоге ученые сошлись на том, что вся эта история есть не что иное, как выдумка. Кто-то охотно допускал, что могла быть морская

легенда – слишком хорошая, по мнению автора «Всеобщей истории пиратства», чтобы не включить ее в книгу, хотя сам Джонсон, возможно, знал, что описываемые события на деле никогда не происходили. Проще же всего допустить, что всю эту историю с начала до конца выдумал сам капитан Джонсон (кем бы он ни был). Лишь немногие, кажется, считают, что история эта в любом случае имеет большое значение; ибо единственное, что всех волнует, – это вопрос: «Было ли когда-либо в действительности на малагасийском побережье утопическое поселение бывших пиратов под названием Либерталия?»

Вопрос, на мой взгляд, никчемный. По всей видимости, не было ни Миссона, ни Караччиоли, ни поселения именно с таким названием; однако с гораздо большей определенностью можно утверждать, что на малагасийском побережье были пиратские поселения и, более того, что они служили площадками для радикальных социальных экспериментов. Пираты точно экспериментировали с новыми формами правления и имущественных отношений; причем в этом им подражали члены ближайших малагасийских общин, с которыми многие из них вступали в браки, проживали в одних поселениях, ходили в океан, братались на крови и час за часом проводили время в беседах на политические темы. Повесть о капитане Миссоне вводит в заблуждение уже потому, что малагасийцы не играют в ней значительной роли: женами пиратов становятся потерпевшие кораблекрушение чужестранки, а проживающие по соседству этнические группы низводятся до статуса враждебных племен, которые в конце концов одолели и истребили поселенцев. Но это лишь укрепляет историков и антропологов в обычном для них подходе: а именно, рассматривать политическую жизнь тех, кого можно обозначить как европейцев, и тех, кого можно считать африканцами, или во всяком случае цветными, как совершенно самостоятельные области исследования, обособленные миры, которые едва ли имели какое-либо серьезное политическое, не говоря уже об интеллектуальном, влияние друг на друга.

В действительности, как мы увидим, дело обстояло гораздо сложнее. Зато намного интереснее и оптимистичней.

Так вот: истории о Либерталии или же в связи с ней – о пиратском королевстве Эвери отнюдь не были неслыханными фантазиями. Скажу больше, само их существование и их популярность феноменальны. Перефразируя выражение Маркса, можно сказать, что они в известном смысле служат движущей силой истории. Ведь так называемый золотой век пиратства в реальности длился всего сорок или пятьдесят лет; и это было довольно давно; однако люди во всём мире всё еще пересказывают истории о пиратах и пиратских утопиях или же пытаются объяснить их при помощи калейдоскопических фантазий о магии, сексе и смерти, которыми, как мы еще увидим, истории эти всегда сопровождалась. Напрашивается вывод, что в памяти они сохраняются, поскольку воплощают определенное представление о свободе, всё еще значимое, но при том являющее собой альтернативу видениям свободы, которые должны были быть приняты в европейских салонах на протяжении всего восемнадцатого столетия и которые по-прежнему преобладают сегодня. Беззубый или одноногий буканьер, который бросает вызов всему миру, пропивает и прожирает награбленное, ретируется при первых признаках серьезного сопротивления и оставляет по себе одни небылицы и смятение, пожалуй – такой же деятель Просвещения, как Вольтер или Адам Смит, с одной лишь разницей: он представляет сугубо пролетарское видение свободы, неизбежно жестокой и недолговечной. Современная фабричная дисциплина

родилась на свет на кораблях и плантациях. Уже позднее новоявленные промышленники в таких городах, как Манчестер и Бирмингем переняли методы превращения людей в машины. Пиратские легенды, стало быть, можно назвать важнейшей формой поэтической экспрессии, получившей распространение среди зарождающегося в странах Северной Атлантики пролетариата, эксплуатация которого заложила фундамент промышленной революции [7]. И пока условия нашего труда определяют те же самые формы дисциплины или их более изощренные и прикрытые современные инкарнации, мы будем предаваться фантазиям о буканьерах.

Между тем, это всё-таки не книга, посвященная исключительно романтике пиратства. Это историческое исследование, оживленное антропологией; попытка установить, что же в действительности происходило на северо-восточном побережье Мадагаскара в конце семнадцатого – в начале восемнадцатого столетия, когда в этой местности обосновались несколько тысяч пиратов, и доказать, что Либертalia всё же так или иначе существовала и что в известном смысле ее можно рассматривать как первый политический эксперимент эпохи Просвещения. И что многие мужчины и женщины, воплощавшие этот эксперимент в жизнь, говорили по-малагасийски.

* * *

Нет ни малейшего сомнения в том, что рассказы о пиратских утопиях получили широкое распространение и что в истории это имело свои последствия. Вопрос только в том, насколько широкое распространение они получили и насколько глубоки были последствия. В пользу того, что последствия эти были исключительно значимы, полагаю, можно привести веские доводы. Во-первых, хождение эти рассказы получили очень рано, еще во времена Ньютона и Лейбница, задолго до появления политической теории, которая отождествляется с Монтескье и энциклопедистами. Конечно, известно утверждение Монтескье, что все нации возникали в результате процессов, весьма похожих на утопические эксперименты: великие законодатели воплощали свои чаяния, законы начинали определять характер великих наций. В тех рассказах, что этим людям, несомненно, доводилось слышать в детстве и юности, пиратские капитаны вроде Миссона или Эвери как будто именно это и пытались делать. В 1707 году, когда Монтескье было как раз восемнадцать, в Англии появился памфлет Даниеля Дефо. Автор уподоблял поселившихся на Мадагаскаре пиратов основателям Древнего Рима – разбойникам, которые утвердились на новой для себя территории, создали новые законы и со временем стали великой воинственной нацией. То, что ажиотажем подобные откровения во многом были обязаны безбожно раздутой пропаганде или даже откровенным фальсификациям, не имеет большого значения в плане того, как они воспринимались. Неизвестно, было ли переведено на французский язык конкретно это занудство (возможно, что и нет), но зато имеются сведения, что примерно в то же время Париж совершенно точно посетили в поисках союзников люди, утверждавшие, будто они представляют новое королевство пиратов. Слышал ли о том юный Монтескье? Опять же, точно нам это не известно, однако трудно представить, чтобы подобные новости не располагали бы тогдашних студентов к шуткам и спорам и не захватывали бы воображение амбициозных молодых интеллектуалов.

Впрочем, что-то мы знаем. Вероятно, было бы полезно и начать с перечисления этих фактов. Мы знаем, что множество пиратов семнадцатого столетия – с Карибов или еще откуда-то – в великом множестве расселились на северо-восточном побережье Мадагаскара, где их потомки-малагасийцы (занамалата) до сего дня образуют обособленную группу. Знаем, что появление пиратов вызвало волны социальных потрясений, которые в конце концов породили в начале восемнадцатого века политический субъект – союз племен бецимисарака. Еще знаем, что те, кто живет на территории, которую некогда контролировал этот союз, – на прибрежной полосе длиной почти в семьсот километров, поныне именуют себя бецимисарака и считаются одной из наиболее убежденных эгалитарных этнических групп на Мадагаскаре. Мы знаем имя того, кого принято считать основателем этого союза, – Рацимилаху; в то время говорили, что он якобы был сыном пирата-англичанина из Амбонавулы (по всей видимости – из городка, известного сегодня как Фульпуэнт); в современных английских источниках Амбонавула фигурирует сама как своеобразный утопический эксперимент – как попытка применить типичные для пиратских кораблей демократические принципы управления к оседлым общинам на суше. Наконец, мы знаем, что впоследствии в том же самом городке Рацимилаху был провозглашен королем народа бецимисарака.

Всё это мы можем утверждать с изрядной долей уверенности. Что же касается всего прочего, то далее источники сильно противоречат друг другу. Так, согласно принятой хронологии, сложившейся в колониальный период, считается, что в качестве короля народа бецимисарака Рацимилаху правил с 1720 по 1756 год. Спустя два поколения источники изображают его неким просвещенным монархом, создавшим союз исключительно благодаря своим личным качествам; однако амбициозные планы Рацимилаху познакомить подданных с европейской наукой и цивилизацией были якобы фактически сорваны последующим разгромом его союзников-пиратов и бесчинствами французских работорговцев. Однако это весьма сложно согласовать с современными источниками, которые представляют ту же персону – или того, кто по крайней мере с ней отождествляется, – иногда как короля, иногда же как лишь одного из круга местных вождей, а один раз даже как заместителя пиратского «короля» с Ямайки по имени Джон Плантейн. Еще один источник называет его помощником некоего малагасийского монарха где-то в совсем иной части страны. К тому же археологи не обнаружили хоть каких-то доказательств того, что Конфедерация бецимисарака вообще существовала в действительности; государства, возникавшие в то же время в других частях Мадагаскара, оставили по себе отчетливые материальные следы, но вдоль северо-восточного побережья какие-либо признаки строительства дворцов и других общественных работ, появления налоговой системы, бюрократической иерархии или регулярной армии, или сколь-нибудь серьезного разрыва с традиционными основами сельской жизни отсутствуют.

Что изо всего этого следует?

В столь маленькой книжке, возможно, мне не удастся дать всеобъемлющее объяснение всем существующим свидетельствам – да это, пожалуй, невозможно в принципе; но я буду стараться предложить общие рамки, в которых эти свидетельства можно будет интерпретировать. Вместе с тем в некоторых пунктах мой подход порывает с привычным пониманием этого исторического периода.

Прежде всего, я полагаю, что в то время на Мадагаскаре, и особенно в тех местностях, где ощущалось влияние пиратов, рассказы о могущественных королевствах или даже просто о существовании чего-то, что хотя бы напоминало королевские дворы, не всегда следует принимать за чистую монету. В то время на побережье имелись все необходимые материалы для создания потемкинских дворцов, призванных впечатлять чужеземцев; при этом совершенно очевидно, что по крайней мере некоторые из «королей», с которыми доводилось встречаться заморским наблюдателям, попросту такими представлялись – при активном содействии своих мнимых малагасийских подданных. Пиратам подобные забавы удавались особенно хорошо. На самом деле, одна из причин, почему золотой век пиратства вдохновляет всё новые легенды, заключается в том, что пираты тогда ловко умели манипулировать слухами; невероятные истории – об ужасающей жестокости или о вдохновляющих идеалах – они использовали как своего рода оружие, даже если война, о которой идет речь, была отчаянной и в конечном итоге обреченной на провал борьбой разношерстной банды изгоев против всей формирующейся структуры мировой власти того времени.

Далее, я хотел бы подчеркнуть, что в рассказах этих, как и во всякой успешной пропаганде, был элемент правды. Республика Либерталия, может, и не существовала – по крайней мере, в буквальном смысле, зато пиратские корабли, пиратские городки вроде Амбонавулы и, как мне представляется, сама Конфедерация бецимисарака, созданная малагасийскими политическими деятелями в тесном тандеме с пиратами, во многом представляли собой сознательные опыты радикальной демократии. Я бы даже сказал больше: на мой взгляд, то были первые ростки просветительской политической мысли, испытание тех идей и принципов, что в конечном счете были развиты политическими философами и воплощены в жизнь революционными режимами столетием позже. Это позволило бы объяснить очевидный парадокс Конфедерации бецимисарака, созданной якобы философствующим королем-неудачником, но в действительности – народом, упрямо преданным идее эгалитаризма и печально известным сопротивлением признать власть повелителей любого сорта.

(Очень) Радикальное Просвещение

Идея назвать эту книгу «Пиратское Просвещение» очевидно была отчасти провокационной. Тем более что Просвещение само приобрело в наши дни дурную славу. В то время как просветители восемнадцатого столетия считали себя радикалами, одержимыми попытками освободиться от оков признанной власти, чтобы заложить фундамент всеобщей теории человеческой свободы, нынешние радикалы склонны рассматривать мысль эпохи Просвещения скорее как наивысшее достижение самой признанной власти, как интеллектуальное движение, главным результатом которого была необычайно современная форма рационального индивидуализма, ставшая основой «научного» расизма, современного империализма, эксплуатации и геноцида. Нет сомнения, что именно так всё и было, стоило только воспитанным на идеях Просвещения европейским империалистам, колониалистам и рабовладельцам вырваться на просторы мира. Разумеется, о преднамеренности тут можно поспорить. Вели бы себя эти люди как-то иначе, если поведение их по-прежнему (как и столетиями до того) определяла религиозная вера? По всей видимости, нет. Но мне кажется

(и я уже высказывал это предположение в другой работе) [8], что последующий спор отвлекает нас от более фундаментального вопроса: имеются ли вообще основания называть идеалы Просвещения, в частности – освобождение человека, западными? Сильно подозреваю, что когда будущие историки обратят взор на подобные вещи, то, похоже, придут к заключению, что оснований для этого не так много. Европейское Просвещение было в большей мере, чем какой-либо другой период, веком интеллектуального синтеза. Страны интеллектуального захолустья вроде Англии или Франции, внезапно обнаруживая себя в кругу мировых держав, испытывая влияние потрясающих (по их разумению) новых идей, пытались соединить, к примеру, идеалы индивидуализма и свободы, заимствованные из обеих Америк, новую концепцию бюрократического государства-нации, вдохновленную главным образом Китаем, африканские теории договоров, экономику и социальные теории, изначально развитые в исламе эпохи Средневековья.

Поскольку синтез продолжался в практическом русле – иначе говоря, поскольку каждый, особенно на заре Просвещения, экспериментировал с новыми методами устройства социальных отношений в свете всех этих новых идей, происходило это по понятным причинам не в больших европейских городах, по-прежнему остававшихся под властью всевозможных старых режимов, но на задворках возникающей мировой системы, в особенности же – на относительно свободных пространствах, которые нередко появлялись в поле зрения в ходе имперских походов наряду с полным переустройством жизни народов, которое эти походы часто за собою влекли. Нередко это бывало побочным эффектом ужасающей жестокости, сокрушения целых народов и цивилизаций. Важно только помнить, что так бывало не всегда. Я уже подчеркивал, пусть мимоходом [9], ту важную роль, которая принадлежит во всем этом, особенно в руководстве при становлении новых форм демократического правления, пиратам. Пиратские команды в известном смысле представляли собой идеальные лаборатории для демократических экспериментов, поскольку часто состояли из множества людей, знакомых с самыми различными формами общественного устройства (на одном корабле могли быть англичане, шведы, беглые рабы-африканцы, карибские креолы, индейцы и арабы), приверженных некоему наспех сколоченному эгалитаризму, оказавшихся в ситуации, когда быстрое изобретение новых организационных форм было абсолютно необходимо. Ведь предположил же по крайней мере один видный историк европейской политической мысли [10], что иные формы демократии, впоследствии развитые государственными деятелями эпохи Просвещения в странах Северной Атлантики, изначально дебютировали, скорее всего, в 1680-е и 1690-е годы на пиратских кораблях:

В том, что лидерство может устанавливаться с согласия ведомых, а не просто быть даровано высшей властью, судя по всему, убедились еще команды пиратских кораблей в ранние годы современного Атлантического мира. Пиратские команды не только выбирали капитанов, им были знакомы принцип уравнивающей силы (которую воплощали интендант и совет корабля) и договорные отношения между индивидуумом и коллективом (в форме письменных договоров, устанавливающих долю в добыче и размер компенсации за полученную на службе травму) [11].

Совершенно ясно, что именно новизна подобных институтов вдохновляла британских и французских авторов на фантазии о пиратских утопических экспериментах – хотя бы о той

же самой Либерталии. Однако в этих сочинениях главные действующие лица – всегда европейцы. Повесть о Либерталии – характерный пример. Нам она известна из появившейся в свет в 1724 году книги «Всеобщая история грабежей и смертоубийств», автором которой был капитан Чарльз Джонсон (возможно, что скрывался под этим псевдонимом Даниель Дефо). Поселенцы, все европейского происхождения, условились о некоем либеральном эксперименте, в основе которого были мажоритарное голосование и частная собственность, а также отказ от рабства, расового деления и организованной религии; утверждалось, что к эксперименту присоединились почти все знаменитые пираты (Томас Тью, Генри Эвери и пр.). Завершается история тем, что экспериментаторов атаковали и истребили беспокойные туземцы, причем без всякой видимой причины. Таким образом, несмотря на все претензии на расовое равноправие, малагасийцы в этом опыте участия не принимают. В подобных историях туземцы вообще никогда не участвуют в политических экспериментах. По сути, эта (фактически расистская) предвзятость сохраняется в историографии колониального и даже более близкого к нам периодов. Политические эксперименты, которые осуществляли те, кто говорил на европейских языках, рассматриваются вне какой-либо связи с политическими экспериментами, осуществленными теми, кто говорил по-малагасийски, даже если в жизнь их воплощали практически в одно и то же время лица, состоящие друг с другом в повседневном общении.

В то время, как приобретенный исторический опыт пиратов допускает какое-то их влияние при создании, положим, Конфедерации бецимисарака, считается, что связь между ними в буквальном смысле генетическая. Союз бецимисарака, по утверждению классической истории, был создан детьми пиратов-европейцев и малагасийских женщин при вдохновенном руководстве одного особенно харизматичного мулата по имени Рацимилаху, навязанном им пассивным туземцам, которые попросту поддержали его призыв. Более того, принято считать, что Рацимилаху, по сути, прививал на местной почве уже существовавшие в Европе изобретения вроде государства-нации, сам же при том никогда никакого вклада в политическую жизнь не вносил. Французский историк Юбер Дешам излагает точку зрения колониального периода, которая в той или иной мере остается общепринятой до сего дня:

Таков был этот великий человек, сын пирата, благодаря своему уму и характеру выдававший себя за князя. Он сумел объединить разрозненные племена Восточного побережья, пребывавшие в анархии, вечной вражде и нищете. Он сделал из них могущественное и процветающее государство, обеспечив его устойчивость и сплоченность...

Впервые на Великом острове он установил государство, понятное как территория, чему европейские страны, без сомнения, послужили ему примером... [Однако] после него королевство постепенно распалось [12].

На самом деле, едва ли хоть в чем-то это расхожее представление выдерживает серьезную критику. Прежде всего, как нам предстоит увидеть, если Рацимилаху существовал в действительности и, по всей видимости, взаправду был сыном местной женщины-малагасийки по имени Рахена и пирата-англичанина Тамо, или Тома, то остальные малата ко времени основания союза в основном были детьми [13]. Далее источники, которыми мы располагаем, совершенно ясно указывают: те, кто уже был взрослым, не считая самого

Рацимилаху, отказывались иметь с этим что-либо общее.

Во-вторых, нет никаких свидетельств в пользу того, что королевство Рацимилаху хотя бы отдаленно напоминало «территориальное государство». Фактически же нет ни единого свидетельства о существовании этого королевства в какой-либо форме. Археологическое исследование региона [14] не подтверждает никаких изменений после возникновения «королевства» в структуре населенных пунктов, и уже тем более ни археологами, ни кем-либо еще не обнаружено в это время на северо-востоке страны ничего подобного административной иерархии или системе социальных классов. Все свидетельства указывают на то, что почти все решения по-прежнему, как и ранее, принимались на народных собраниях, на которых каждый, кого эти решения касались, имел право высказаться. В сущности, как мы еще увидим, есть все основания полагать, что политическая и социальная организация в реальности стала менее иерархичной после возникновения «королевства», чем была до того: отошли в прошлое сословия военной аристократии, о которых упоминается в ранних источниках. Следовательно, значение собраний во всяком случае возросло. Правда, посредством смешанных браков статус более или менее похожий на наследственную аристократию постепенно приобрели зана-малата, которые, вернувшись к ремеслу своих предков-пиратов, в конце столетия организовали набеги на Коморские острова (и даже Занзибар); однако в обществе они по сути всегда считались чужаками, а политическая власть их была окончательно сломлена в результате народного восстания приблизительно в то же время, когда территория союза в 1817 году вошла в состав высокогорного королевства Мадагаскар [15].

Казалось бы, мы имеем дело с настоящей исторической аномалией: политическим субъектом, который на дипломатическом уровне позиционировал себя как королевство, сложившееся вокруг харизматической фигуры блестящего потомка пиратов, а на деле существовал на принципах децентрализованной низовой демократии и не имел какой-либо развитой системы социального ранжирования. Как это объяснить? Существуют ли известные аналогичные примеры в истории?

По сути, в качестве наиболее очевидной параллели можно было бы назвать сами пиратские корабли. Пиратские капитаны часто стремились завоевать у посторонних репутацию ужасающих самодуров-головорезов, но на борту своих собственных кораблей капитанов не только выбирали посредством мажоритарного голосования, но таким же образом в любое время могли этого статуса лишить; при этом командовать они были уполномочены только во время погони или сражения, а во всех других обстоятельствах обязаны были участвовать наравне со всеми прочими в общих собраниях. На пиратских кораблях не было чинов, кроме самого капитана и интенданта (последний председательствовал на собраниях). Кроме того, известны совершенно очевидные попытки перенести эту форму организации на малагасийский материк. Наконец, как мы увидим в дальнейшем, существует целая плеяда буканьеров или иных сомнительных личностей, укрывшихся в одном из малагасийских портовых городков, которые тщились прослыть королями или принцами, отнюдь не пытаясь преобразовать действительные социальные отношения на территории местных сообществ [16].

В то же время народ бецимисарака на деле преобразовал существующие социальные отношения в своих сообществах. Он просто сделал это иначе, чем то сделали бы при настоящей монархии.

В этой книге я намерен доказать, что появление на побережье пиратов послужило, можно сказать, основой для череды революций. Первая и, возможно, наиболее значительная среди этих революций, которую возглавили почти исключительно женщины, имела целью сокрушение ритуальной и экономической власти клана, который прежде был посредником между чужестранцами и народами северо-восточного побережья. Второй по сути было создание государства бецимисарака, которое правильно рассматривать как мощную обратную реакцию мужской части населения на первую. Под прикрытием пиратов и формальным руководством мулата, пиратского короля, главы клана и молодые амбициозные воины предприняли нечто, что по-видимому лучше всего рассматривать как их собственный политический эксперимент, предвосхищающий практику эпохи Просвещения, как творческий синтез пиратского самоуправления и некоторых более эгалитарных элементов традиционной малагасийской политической культуры. То, что обычно описывается как неудачная попытка создания королевства, с таким же успехом можно рассматривать и как успешный эксперимент малагасийцев в рамках пиратского Просвещения.

Версия #1

Зверобой создал 9 февраля 2026 00:11:31

Зверобой обновил 9 февраля 2026 00:13:41